

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2026-30-3-880-897>

EDN: SKPPTV

Научная статья / Research Article

«Эссе о человеке» Э. Кассирера в контексте антропологического поворота: окружающий мир животного и мир человека

Е.С. Черепанова

*ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина», Екатеринбург, Российская Федерация*

dek316@yandex.ru

Аннотация. Осуществляется сравнительный анализ философских трактовок понятий «окружающий мир животного» (Umwelt) и «мир человека», представленных в «Эссе о человеке. Введение в философию культуры» Э. Кассирера и в работах М. Шелера, Г. Плеснера, А. Гелена. Целью сопоставления является не только выявление специфики подхода Кассирера, но и сходства аргументации указанных авторов. Тем самым проясняется философско-антропологический смысл работы, которая таким образом рассматривается в контексте антропологического поворота. Показано, что все указанные теоретики ссылались на трактовку окружающего мира животного, представленного в работах Я. фон Иксюля, который доказал, что животное и среда его обитания находятся в особом динамическом взаимодействии, выявляющем комплекс значений элементов мира, определенных видовым своеобразием живого существа. Отмечается, что Кассирер не только отмечает эту связь животного со средой, но и акцентирует внимание на принципиальном отличии символической деятельности человека от формирования значения элементов мира животного. Мир человека понимается представителями антропологического поворота как результат особой деятельности человека, создающего новую реальность, в которой в единстве взаимодействуют миф и религия, искусство, наука и история. Особенность этой деятельности проясняется на основе понимания человека, которого Кассирер трактует функционально, а Шелер, Плеснер и Гелен — эссенциально. Отмечается, что только Гелен следует биофилософскому подходу, в то время как другие теоретики не обосновывают феномен культуuroобразующей деятельности человека на основе его органического устройства. В заключении отмечается методологический ресурс подхода Кассирера для современных философско-антропологических исследований.

Ключевые слова: философско-антропологическое понимание культуры, природа человека, сущность человека, окружающая среда

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Черепанова Е.С., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в публикуемую статью.

История статьи:

Статья поступила: 28.02.2026

Статья принята к публикации 20.05.2026

Для цитирования: Черепанова Е.С. «Эссе о человеке» Э. Кассирера в контексте антропологического поворота: окружающий мир животного и мир человека // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2026. Т. 30. № 3. С. 880–897. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2026-30-3-880-897> EDN EDN SKPPTV

Ernst Cassirer's «An Essay on Man» in the Context of the Anthropological Turn: the Animal Umwelt and the Human World

Ekaterina S. Cherepanova

*Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russian Federation*
dek316@yandex.ru

Abstract. The research presents a comparative analysis of the philosophical interpretations of the concepts of the animal world (Umwelt) and the human world developed in Ernst Cassirer's "An Essay on Man: An Introduction to a Philosophy of Human Culture" and in the works of Max Scheler, Helmuth Plessner, and Arnold Gehlen. The purpose of this comparison is not only to reveal the specificity of Cassirer's approach, but also to demonstrate the similarities in their lines of argumentation. In this way, the philosophical-anthropological meaning of Cassirer's work is clarified, and the work itself is considered within the context of the anthropological turn. It is shown that all the aforementioned theorists referred to the conception of the animal Umwelt developed in the works of Jakob von Uexküll, who demonstrated that the animal and its environment exist in a special dynamic interaction revealing a complex of meanings constituted by the species-specific character of the living being. It is noted that Cassirer not only emphasizes this relation between the animal and its environment, but also draws attention to the fundamental difference between human symbolic activity and the formation of meanings within the animal world. Representatives of the anthropological turn understand the human world as the result of a specific human activity that creates a new reality in which myth and religion, art, science, and history interact in unity. The distinctive character of this activity is clarified through different conceptions of the human being: Cassirer interprets the human functionally, whereas Scheler, Plessner, and Gehlen adopt an essentialist understanding. It is further emphasized that only Gehlen consistently follows a biophilosophical approach, while the other theorists do not ground the phenomenon of human culture-forming activity in the organic constitution of the human being. The study concludes by highlighting the methodological potential of Cassirer's approach for contemporary philosophical-anthropological research.

Keywords: philosophical anthropology of culture, nature of man, essence of man, environment.

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Statement about data availability. All the data obtained during the study is included in the article being published.

Article history:

The article was submitted on 28.02.2026

The article was accepted on 20.05.2026

For citation: Cherepanova ES. Ernst Cassirer's «An Essay on Man» in the Context of the Anthropological Turn: the Animal Umwelt and the Human World. *RUDN Journal of Philosophy*. 2026;30(3):880–897. (in Russian) <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2026-30-3-880-897> EDN SKPPTV

Введение

В истории европейской философии антропологическим поворотом называют обоснование необходимости осмысления проблемы человека и фундаментального ее исследования, представленное в трудах М. Шелера, Г. Плеснера, А. Гелена и Э. Кассирера. Термин «поворот» указывает не только на изменение направления развития философии, но и фиксирует факт обретения философской антропологией дисциплинарных рамок и специальных методов.

Временные рамки поворота связывают с докладом М. Шелера в 1927 г., текст которого был представлен им в работе «Положение человека в космосе». Здесь он настаивает, что именно сейчас «проблематичность человека» требует философского анализа. Предложенная им формулировка проблемы, хотя не ее решение, была высоко оценена критиком Шелера и оппонентом Кассирера в известном споре в Давосе М. Хайдеггером, который хотя и полагал, что метафизика не может согласовывать видение бытия человека с биологией, но отметил, что «постановка вопроса Шелером, какой бы программной она не оставалась, во многих отношениях глубока и превосходит все предыдущие» [1. С. 297].

Эрнст Кассирер уже в первой части «Эссе о человеке...» ссылается на Шелера и указывает на то, что наиболее влиятельные учения — Ницше, Фрейда и Маркса — так и не дали убедительной теории человека. Между тем исторические, этнографические и психологические исследования, интенсивно развиваясь, предлагают богатый материал для философского анализа, который возможен при наличии нового методологического подхода. Этими комментариями Кассирер — можно сказать — вписывает себя в число философов, совершивших антропологический поворот, предлагая, как другие его представители, свой подход к философскому изучению человека. Следуя призыву Шелера идеировать дух в жизнь и сублимировать жизнь в дух, а также в определенном смысле разделяя исследовательскую установку Плеснера в том, что понимание человека возникает на пересечении двух направлений анализа — вертикального, раскрывающего связь человека с природой, и горизонтального, когда человек изучается в его отношении к представленному в культуре миру, Кассирер показывает в своем эссе, каким образом его философия символических форм связана с решением антропологической проблемы.

В российских исследованиях «помещение» работы Кассирера о человеке в контекст учений других представителей антропологического поворота произошло в известном сборнике, опубликованном еще в конце 1980-х гг. с подробным послесловием П.С. Гуревича [2]. И хотя о повороте писали уже давно [3; 4], теперь появились переводы текстов, о которых ранее можно было судить только по комментариям специалистов. Также хотелось бы отметить монографию М.Е. Соболевой, в которой она не использует понятие антропологического поворота, но где есть раздел, посвященный сравнению антропологических воззрений Кассирера и Плеснера. В последнее десятилетие вышла серия статей С. Смирнова, посвященных антропологическому повороту [5–9] и работе Кассирера «Эссе о человеке» [10]. Аргументы, представленные в этой публикации, ставят под сомнение вклад Кассирера в философскую антропологию, при безусловном признании его заслуг в сфере философии культуры.

В зарубежных исследованиях также можно встретить похожее суждение, когда подход Плеснера к анализу культуры признается более антропологичным, чем у Кассирера [11. Р. 195; 12]. Философско-антропологическое понимание культуры в теориях Шелера, Плеснера и Кассирера комплексно рассматривается в статье Й. Фишера [13]. Исследователь отмечает, что, несмотря на различное понимание культуры: у Кассирера — трансцендентально-эпистемологическое, у Плеснера — биофилософское и антропологическое, у Шелера — метафизико-феноменологическое, все три трактовки структурно соотносимы.

В свете того, что вопрос о вкладе Кассирера в становление философской антропологии остается открытым, обращение к его антропологическому подтексту видится актуальным. В данной статье рассматриваются два основных понятия — окружающий мир животного и мир человека в «Эссе о человеке» в сравнении с работами Шелера, Плеснера и Гелена. Этот анализ дает возможность проиллюстрировать не только методологическое различие подходов названных мыслителей, но и определенную общность их исследовательской логики.

Окружающий мир животного

Кассирер также, как и его современники — Шелер, Плеснер и Гелен — полагает необходимым обратиться к биологическим исследованиям с тем, чтобы выявить специфику человеческого отношения к миру. В качестве исходного он берет понятие Якоба фон Иксюля — «окружающий мир» (Umwelt)¹ [14. С. 1036]. Предложенное Иксюлем описание того, как животное воспринимает реальность, стало важной вехой в развитии биосемиотики

¹ Как отмечает Е.В. Фалев «В англоязычной литературе по феноменологии, эпистемологии и семиотике немецкое Umwelt обычно оставляют без перевода, на русском пока нет устоявшейся практики». В публикациях данного журнала встречается «УМВЕЛЬТ». Однако в данном тексте приводятся переводы источников, в которых Umwelt — это окружающий мир, поэтому тут использован русский вариант перевода.

и основанием для философских интерпретаций окружающего мира Шелером, Плеснером, Гуссерлем, Хайдеггером, а во второй половине XX века Ж. Делезом, Ф. Гваттари и П. Слотердайком. Кассирер использует концепт Икскуль не только для того, чтобы развить его применительно к человеку, но и как схему, на основе которой можно показать особенности человеческого познания и действия. Не отрицая того, что человек во многом определен своей биологической природой, Кассирер настаивает на том, что человек всегда живет в символической реальности.

Схема окружающего мира животных была представлена в двух работах Икскуль: «Окружающий мир и внутренний мир животных» (1909) [15] и «Прогулки по жизненному миру животных и людей» (1937) [16]. Кассирер подчеркивает, что идеализм, витализм и «феноменализм» [17. С. 468] окружающего мира животных Икскуль обосновывает эмпирическими принципами и данными. Это позволило ему показать многомерность, но неиерархичность проявлений жизни.

Икскуль открыл, что окружающий мир каждого живого существа определяется его физиологией, особенностями питания и размножения. Понятие «окружающий мир» раскрывается у него через метафору мыльного пузыря, внутри которого как бы находится живое существо, воспринимая окружающие предметы изнутри. Окружающий мир развивается целостно в присущих только данному виду пространстве, которое осваивается животным как пространство действия, и времени, определенном жизнедеятельностью его организма. Окружающий мир является динамичным, так как животное не только воспринимает окружающую среду в соответствии с особенностями своего вида, но и действует, поэтому окружающий мир — это подвижное единство восприятия и действия: «Umwelt нельзя свести ни к организации субъекта действия, ни к организации окружающей среды. Umwelt — это продукт взаимодействия между тем и другим. Субъект и объект, когнитивный агент и среда его активности составляют единство и взаимно определяют друг друга» [18. С. 34].

Восприятие, а точнее обнаружение значимых для особи сигналов, и действие в соответствии с полученной информацией также не изолированы, а — в терминологии Икскуль — образуют собственные миры. Сеть обнаружения жизненно важных сигналов (Merknetz) — сеть рецепторов, и сеть действия (Wirknetz) — сеть эффекторов, определяют соответственно мир восприятия (Merkwelt) и мир действия (Wirkwelt). Динамическое взаимодействие этих миров Икскуль представляет в виде схемы функционального круга, которая демонстрирует взаимозависимость эффекторов и рецепторов, определяющих специфику окружающего мира для данного вида. При этом следует отметить, что каждый функциональный круг описывает лишь одну из взаимосвязей эффекторов и рецепторов, которых может быть несколько.

Внутренний мир (Innenwelt) животного, по Икскуль, определяется границами его тела, настроенного на определенное взаимодействие со средой. Причем вследствие постоянного взаимодействия внутреннего и внешнего миров и в силу специализированной настройки организма на определенные

сигналы и готовность действовать, внешний и внутренний миры могут во многом совпадать.

Шелер при анализе особенностей поведения животных использует понятие окружающего мира в том смысле, как оно представлено у Икссюля: «Инстинктивное поведение никогда не является реакцией на особое содержание окружающего мира, меняющееся от индивида к индивиду, но всякий раз есть лишь реакция на совершенно особенную структуру, видо-типическое упорядочивание возможного окружающего мира» [19. С. 40]. Он подчеркивает, что у каждого вида, в соответствии с его набором инстинктов, есть своя предшествующая какому-либо опыту структура окружающего мира, которая не совпадает с тем, на что будет реагировать другой вид животного: «Отношением инстинктов животного к структуре окружающего мира а priori определено, что оно может представлять и ощущать. То же относится и к воспроизведениям его памяти, они всегда совершаются в рамках преобладающих у него „инстинктивных задач“ и в соответствии с ними, и лишь вторичное значение имеет частота ассоциативных связей, условных рефлексов и упражнений» [19. С. 41].

Как подчеркивает Шелер, животное не просто вписано в среду, но и активно взаимодействует с ней, поэтому ему присущ особый окружающий мир, в котором животное обретает себя во второй раз, то есть может ощутить себя в среде, познавая пределы своего тела и действия. Однако это не означает, что оно может отстраниться от окружающего мира. Напротив, «структура окружающего мира точно и замкнуто соответствует его физиологическому, а косвенно — и его морфологическому своеобразие, далее его структуре влечений и чувств, образующей строго функциональное единство. Все, что животное может постигнуть и заметить из своего окружающего мира, заключено в надежных границах структуры окружающего мира» [19. С. 54].

Отличие человека от животного заключается, согласно Шелеру, в открытом отношении к миру и проявляется в том, что, во-первых, человек может дистанцироваться от окружающего мира и представить его субстанционально, а во-вторых, он может «превратить ограниченные аффектами и влечениями «центры сопротивления» в «предметы» („Widerstandszentren“ zu „Gegenständen“)» [19. С. 55]. Только дух — отличительная особенность человека — логически формирует предметный мир, поэтому только в мире человека есть вещи. И именно поэтому человек способен относиться и к проявлениям своей внутренней жизни — влечениям, страстям, эмоциям и другим проявлениям психического — как к вещам, а также рассматривать их как предметы познания. «Поэтому личность человека следует мыслить, как центр, возвышающийся над противоположностью организма и окружающего мира», — полагает Шелер [19. С. 57].

Плеснер в работах «Единство чувств. Основные направления эстезиологии духа» (1923) [20] и «Ступени органического и человек» (1928) [21] также ссылается на Икссюля для того, чтобы подчеркнуть единство животного с окружающим миром. «Если мы вслед за Икссюлем обозначим корреляты ощущений, то есть вызывающие раздражения свойства объектов как

«носителей признаков», а свойства объекта, служащие в качестве поверхностей приложения сил, как «носителей эффекта воздействия» (*Wirkungsträger*), мы поймем смысл следующего его утверждения: «*Носители признаков и носители эффекта воздействия всегда совпадают в одном и том же объекте* (курсив Плеснера. — Е.Ч.) — так коротко можно выразить тот удивительный факт, что все животные вписаны в объекты окружающей среды» [21. С. 219].

Плеснер не фокусируется на перспективах семиотической трактовки учения Иксюля, а видит его заслугу в том, что он определил предмет зоопсихологии как отношение животного и окружающей среды. Одновременно Плеснер подчеркивает ограниченность теоретической схемы Иксюля, а в более позднем своем дополнении к «Ступеням...» и вовсе признает ее не соответствующей современному биологическому знанию: «Его (*Иксюля*. — прим. Е.Ч.) двойная конфронтация — с использующей антропоморфные аналогии психологией животных и с американским бихевиоризмом, ориентированным в его время на модель рефлекторной цепи, утратила для современной этологии (Тинберген, Берендс, Дикстра, К. Лоренц, Хольст и др.) всякую актуальность» [22. С. 302].

В своей теории Плеснер отказывается от применения к животным предложенных Иксюлем понятий «внутренний мир», «мир восприятия» (*Merkwelt*) и «мир действия» (*Wirkwelt*), заменяя в последних «мир» на слово «сфера». Мир, согласно ему, присущ только человеку, который, с одной стороны, подобно животному центрично позиционален, то есть включен в среду обитания, но также и экцентричен, так как может помыслить себя, свое тело, свою среду обитания и других людей: «Вдвойне обособленный от собственного тела, то есть обособленный в своей середине еще и от своей самости, от своей внутренней жизни, человек находится в *мире* (курсив Плеснера. — Е.Ч.), который в соответствии с троякой характеристикой его позиции разделяется на внешний мир, внутренний мир и сопредельный мир» [21. С. 255].

Плеснеру важно подчеркнуть, что в схеме функционального круга, которую использует Иксюль для пояснения особенности окружающего мира, живых существ, совокупность природных феноменов, вызывающих реакцию — противоструктура — едина, но только часть ее воспринимается животным. При этом, описывая отношение живого существа к значимым для него особенностям среды, будет неверно полагать, указывает Плеснер, что, например, мир насекомого состоит из вещей насекомого. Напротив, «упомянутые вещи как раз лишены объективности, поскольку они являются в сенсорном плане сигналами, а в плане моторики — осуществлениями потребностей, и полностью растворены в функциональном круге, объединяющем в единство животного субъекта и окружающую среду» [21. С. 219].

Гелен также не видит возможности использовать понятие окружающего мира для описания человека. При этом он ссылается не только на Иксюля, но обращает внимание на с его точки зрения более четкое определение окружающего мира, данное физиологом Хансом Германом Вебером. Согласно Гелену, «средой (*Umgebung*) оказывается совокупность связанных между собой естественными законами частей жизненного пространства, в котором мы

наблюдаем организм и в которое мы его помещаем или считаем помещенным, а «окружающим миром» (Umwelt) является содержащаяся во всем комплексе среды совокупность условий, позволяющих определенному организму сохраняться в силу его специфической организации» [23. С. 168]. На основании этих определений Гелен формулирует три положения об окружающем мире: во-первых, это «вырезка» из более широкой среды, во-вторых — это специфический комплекс, и, наконец, в окружающий мир нельзя никого поместить, не нарушая весь комплекс [23. С. 168].

Как он считает, ни один из этих пунктов не применим к человеку, так как человек в результате своей деятельности может существенно изменять среду, расширяя или сужая ее, он может изменить комплекс условий и изменить свое отношение к ним, он также может жить в разных климатических поясах и так далее. Разумеется, что каждый отдельный человек может быть соотнесен с конкретными условиями жизни, так как в «этой культурной среде он может быть в особых случаях (отнюдь не всегда) так укоренен в силу привычки или дисциплины, что действительно оказывается привязан к ней» [23. С. 169]. В этом случае, как кажется, можно было бы говорить о каком-то подобии окружающего мира, но — на чем настаивает Гелен — это не имеет никакого теоретического смысла. Вместо окружающего мира у человека есть сфера культуры, являющаяся результатом его деятельности и его способности изменять окружающую среду и самого себя. Поэтому в отношении человека следует, согласно Гелену, использовать понятие «мир»: «Перед нами недостаточное в отношении органов существо, лишенное в большей степени надежных инстинктов, предоставленное неопределенной полноте открытого мира, не редуцированного и даже частично не приглушенного приспособлением. Только предусмотрительное, деятельное изменение этого мира в мир, пригодный для жизни, делает возможным само существование этого существа» [23. С. 175].

Гелен трактует мир в психофизиологическом ключе только при анализе того, как происходит восприятие и действие, так как ему необходимо обосновать понятие разгрузки, объясняя, как человек формирует сферу культуры. Однако, и расширяя понятие мира до мира культуры, он подчеркивает свою последовательность в приверженности естественнонаучным знаниям о человеке. Так, признавая правоту Плеснера об эксцентричности отношения человека к миру и правоту Шелера, для которого дух — это принцип, противоречащий жизни, Гелен тем не менее отказывается от метафизической интерпретации этих концептов [23. С. 184]. Для него главным аргументом против использования понятия «окружающий мир» применительно к человеку является указание на биологическую универсальность человека как вида живого, способного создавать и видоизменять мир. Он следует здесь за Хайдеггером, объясняя, почему животное «скудомирно» [1. С. 299], используя количественный критерий — большее или меньшее количество способов приспособления.

Кассирер, рассуждая о специфичности человека как вида животных, также отмечает тот факт, что функциональный круг человека значительно

шире и, кроме того, обладает принципиальным качественным отличием как новое измерение реальности [17. С. 470]. Во-первых, налицо темпоральные изменения — реакции человека в отличие от животного не непосредственны; они замедляются, так как человек использует мышление, которое соотносит полученные данные с символически освоенным опытом. Во-вторых, «физическая реальность как бы отдалается по мере того, как растет символическая деятельность человека» [17. С. 470]. Кассирер подчеркивает, что даже когда человек не теоретизирует, все его непосредственные эмоции и восприятия опосредованы, получая свое выражение в той или иной символической форме. Отсылая к Икслю, использовавшему понятия «сеть рецепторов» и «сеть эффекторов», Кассирер указывает, что язык, миф, искусство, религия и наука составляют символическую сеть человеческого опыта. Причем это видовая черта человека — создавать символы, независимо от того, какими способностями обладает каждый конкретный индивидуум. Это касается даже случаев людей с ограничениями, как, например, у слепоглухонемого человека.

Кассирер полагает, что знак и сигнал у животного, образующие динамическую связь его со внешней средой, не обладают такой же универсальностью и изменчивостью как символ у человека. Знак для животного всегда конкретен: он соотнесен с непосредственной реальностью действия и определен видовыми особенностями животного. Кассирер специально подчеркивает неприемлемость каких-либо аналогий между знаками в окружающем мире животного и символами, которые создает человек [17. С. 482], даже на ранней стадии мифического мышления.

Пространство и время животного, включая высших животных, отличаются тем, что эти характеристики реальности неотрывно связаны организмом животного и его жизнедеятельностью. Несмотря на то, что некоторые виды животных демонстрируют удивительные способности ориентации в пространстве, «мы не можем утверждать, что животные, осуществляя все эти сложные реакции, движимы процессами идеации. Напротив, они как будто бы следуют неким телесным импульсам особого рода; у них нет умственного образа или идеи пространства, нет перспективы пространственных отношений» [17. С. 490]. Исследование способов структурирования пространства человеком в процессе восприятия, напротив, выявляет тот факт, что человек может его помыслить самыми разными способами.

Сравнивая описанные выше трактовки понятий мира применительно к животным и человеку, можно предположить, что Кассиреру ближе всего Плеснер, так как он, значительно подробнее, чем Кассирер, проанализировав окружающий мир животного, вышел на новый уровень теоретизирования в определении особенности мира человека. Кассирера и Плеснера в данном случае объединяет прежде всего общая метафизическая интенция — обосновать философский метод, «устанавливающий на уровне сущностных закономерностей, какова *возможная* (курсив Плеснера — Е.Ч.) форма отношения организма к вещам» [21. С. 78]. Как подчеркивает М.Е. Соболева, они видели своей задачей «открытие закономерностей, лежащих в основании

человеческой жизни, детерминирующих ее и определяющих тем самым характер познания, в процессе которого создаются представления о бытии» [24. С. 97]. Кроме того, оба философа с готовностью обращаются к современному им научному знанию, чтобы данные биологии в том числе и экспериментальной, работали в случае Кассирера на обоснование символического характера деятельности человека, в случае Плеснера на концепт позициональности человека.

Мир человека

В своем позднем «Эссе о человеке» Кассирер раскрывает суть своего понимания культуры, показывая, что только символическая деятельность делает человека человеком. Подзаголовок произведения — «Введение в философию культуры» — указывает на то, что культур-философская часть текста представляет наиболее общие принципы и подходы к пониманию того, что такое миф, религия, язык, искусство, история и наука. Иногда полагают, что в данном случае (так как работа написана в США) Кассирер «переводит свою собственную концепцию истории мысли на язык американской науки, которая, по-видимому, меньше интересовалась систематическими рамками, а также неокантианским контекстом» [25. Р. 100].

Действительно, для того, чтобы раскрыть содержание понятия «символическое мышление», Кассирер ссылается на кантовскую трактовку разума человека, отмечая, что «в результате глубокого анализа он пришел к выводу, что такой критерий следует искать в характере человеческих знаний: человеческий рассудок подчинен необходимости строго различать между реальностью и возможностью вещей» [17. С. 506]. Как полагает Кассирер, это эпистемологическое различие указывает на то, что человек может знать о мире, и, следовательно, указывает на символический характер мышления.

Он снова акцентирует внимание на значении современных исследований мифа, языка, верований, искусства и истории, подчеркивая, что многообразие данных не должно влиять на поставленную цель и следует «оставаться на территории «человеческого мира», переступая его порог» [17. С. 519]. Этот мир Кассирер также называет кругом или областью человечности, составные части которой — это миф, язык, религия, искусство и наука. Этот круг может быть понят как единство в том случае, если сущность человека определять через понятие деятельности, то есть трактовать ее не субстанционально, а функционально. «Философия человека есть, следовательно, такая философия, которая должна прояснить для нас фундаментальные структуры каждого из этих видов человеческой деятельности и в то же время дать возможность понять ее как органическое целое» [17. С. 519].

Образ мира человека как круга, состоящего из секторов, является у Кассирера не иллюстрирующей схемой, а сравнением, необходимым для разъяснения сути аргумента. Он настаивает на том, что все области круга находятся в постоянной динамической связи и взаимовлиянии, и что, хотя мифологический и научный способ понимания существенно различаются,

можно выявить их общую функцию объективации духа. Поэтому недостаточно просто утверждать, что мир человека — это мир культуры, нужно также указывать, что это мир культуры, созданный в результате символической деятельности, наделяющей вещи определенными значениями.

Вследствие этого человек имеет дело с реальностью, которая создана им самим в самых разнообразных формах. И в языке, и в научном познании человек объективирует то, что он воспринимает и переживает, делая возможным анализ, выявление общего и т.п. В произведении искусства также происходит объективация, но иного рода — чувственные ощущения становятся более яркими, а эмоции получают новое качество, что, в свою очередь, влияет на ощущения, эмоции и на характер восприятия и переживаний. «Язык и наука — сокращение реальности; искусство — интенсификация ее» [17. С. 608].

Есть ли в этом многообразном мире реальность как таковая? Ответ Кассирера на этот вопрос отрицательный, поскольку даже в случае с животными реальными будут для них только значимые факторы среды. Человек же сам создает в процессе символической деятельности то, что полагает реальностью. Можно ли говорить об изначальных, чистых чувственных ощущениях? И на этот вопрос Кассирер дает отрицательный ответ. Так как то, как протекают непосредственные реакции, всегда определяется символическим опытом восприятия. Человек может вспомнить или осознать ощущения, однако в этом случае память, как указывает Кассирер, творчески «пересоберет» [17. С. 500] впечатления в контексте того символического мира, в котором находится человек, а мышление осуществит обобщение опыта в соответствующих языковых формах.

В отличие от Кассирера Шелер, подробно анализируя особенности эволюции жизни растений и животных, а также принципиальное отличие духовной деятельности человека от психической деятельности животных, видит задачу философской антропологии в том, чтобы «точно показать, как из основной структуры человеческого бытия [...] вытекают все специфические монополии, свершения и дела человека: язык, совесть, инструменты, оружие, идеи праведного и несправедного, государство, руководство, изобразительные функции искусства, миф, религия, наука, историчность и общественность» [19. С. 90]. Тем самым он намечает следующую логику теоретизирования: выявить специфику человеческого бытия в горизонте развития различных форм жизни и показать, каким образом возникает культура во всем ее многообразии от мифа до институциональных практик.

Шелер также, как Кассирер, различает окружающий мир животного и мир человека как принципиально иной, порожденный его духовной деятельностью. Мир человека открыт и дан ему. «Изначально данные ему и центры «сопротивления» и реакции окружающего мира, в котором экстатически растворяется животное, оно [человеческое сознание — Е.Ч.] способно возвыситься до „предметов“, способно в принципе постигать само так-бытие этих „предметов“, без тех ограничений, которые испытывает этот предметный мир или его данность из-за витальной системы влечений и ее чувственных

функций и органов чувств» [19. С. 53]. Человек обладает самосознанием, а значит может объективировать и сделать предметным не только бесконечное разнообразие окружающего мира, но и свои собственные физиологические и психологические состояния. Шелер особо подчеркивает специфическое постижение человеком пространства и времени, его способность помыслить себя как в мировом пространстве, так и вне пространства и времени.

В акте идеации происходит разрушение той реальности, с которой имел бы дело человек, будь он животным. «Это означает попытку снять, аннигилировать сам момент реальности, целостное, нерасчлененное, властное впечатление реальности с его аффективным коррелятом» [19. С. 64–65]. Следовательно, человек не приспособливается к миру, а приспособливает открытый мир к себе и при этом ставит себя вне этого мира. Шелер настаивает на том, что господство над природой, в котором проявляется, как он пишет «художественный и знаковый принцип» [19. С. 92], привело к тому, что человек обрел эксцентричную позицию по отношению к миру. «Человек, из неодолимого порыва к спасению не только единичного своего бытия, но прежде всего всей своей группы, на основе и при помощи колоссального избытка фантазии, заложенного в нем изначально в противоположность животному, мог населять эту сферу бытия любыми образами, чтобы спастись под их властью посредством культа и ритуала, чтобы иметь „за собой“ какую-то защиту и помощь, ибо в основном акте своего отчуждения от природы и опредмечивания природы — и в одновременном становлении его самобытия и самосознания — он, казалось, погружался в чистое Ничто» [19. С. 92]. То есть мир человека находится в динамическом развитии, а его открытость проявляется в том, что человек может его менять, дополнять и обосновывать его объективность верой в Бога, постепенно отчуждаясь от него.

Плеснер использует понятие мира только применительно к человеку: «человек живет в окружающем поле, имеющем характер мира» [21. С. 282]. Благодаря деятельности сознания человек имеет дело с вещами, данными ему предметно. Явления вещей даны человеку не непосредственно, но опосредуются самим фактом познающего субъекта, его эксцентрической позиции. В этой деятельности человек не только представляет природу, самого себя и других людей предметно, но и способен помыслить их предел и даже выйти за их предельное предметное существование в религиозном отношении к миру.

Мир человека, как было сказано выше, Плеснер представляет как единство внешнего, внутреннего и сопредельного миров. Описывая психическую реальность, он отмечает, что она проявляет ту же особенность, которая присуща некоторым животным: живое существо является телом, и при этом может относиться к телу определенным образом, ощущая его границы. Однако внутренний мир человека определяется его эксцентрической позициональностью, то есть человек и переживает, и знает о своих переживаниях. Переживания влияют на все восприятия человека: «Глубина и сила, или умеренность и сдержанность ощущений, воления, мышления; душевные качества, дарования, все душевные расположения и способности одновременно

обуславливают наши переживания и обусловлены ими» [21. С. 257]. Это подробное описание показывает, что переживание берется как универсальное понятие, которое означает опыт отношения к физическим и психическим феноменам и соответственно влияние этого опыта на восприятие. Сопредельный мир — это реальность других людей, представленная в сознании человека; это духовный мир, в основе которого понимание человеком своей связи с обществом. Важно отметить, что сопредельный мир проявляет себя двойственно: с одной стороны, он определяет личность человека и конституирует социальную действительность; с другой стороны, он сам создается личностью. Все три мира не просто окружают человека, они — часть его.

Все три мира в своем основании определяются экцентрической позиционностью человека, которая означает также и «онтическую необходимость» [21. С. 277] в культуре. Нельзя согласиться с утверждением ряда исследователей, что у Плеснера, в отличие от Кассирера, культура компенсирует недостаточность человека [12. Р. 428]. Напротив, Плеснер указывает на ограниченность такого толкования культуры, называя его «негативной модификацией натуралистической теории» [21. С. 271]. Он подчеркивает, что эмпирический анализ культуры, реализованный методами социологии, биологии или психологии, не даст ответ на вопрос о происхождении культуры, для этого нужен философский взгляд на проблему.

Человек определен всем своим существом к тому, чтобы создавать „вторую“ природу, вести жизнь среди им самим созданных вещей. Тем самым он уравнивает свою экцентрическую позицию, реализуя потребность проявить свободу по отношению к тому, что для животного является окружающим миром. «В этой нужде или наготе заключается движущая сила всего специфически человеческого, то есть деятельность, направленная на ирреальное и действующая с помощью искусственных средств, последнее основание всякого произведенного человеком орудия и того, чему оно служит» [21. С. 269]. Эта же потребность в равновесии проявляется и в стремлении человека к самовыражению, которое реализуется в различных формах — в мимической, языковой и художественной. Так осуществляется объективация духа у Плеснера.

Гелен науку о человеке не мыслит вне выявления того, чем является культура, которую следует понимать, исходя из понятия «действие» [23. С. 161], трактуемого как процесс планомерного изменения человеком действительности. При этом он подчеркивает, что условием такого действия является особое строение человека — наличие у него головного мозга, чем следует объяснять все духовные процессы.

Планированием Гелен называет не только то, что человек может помыслить себя в будущем и представить себе перемещение в пространстве и времени, но также и способность наделять вещи возможным символическим значением. Помимо этого, планирование предполагает возможность предвидеть отношения человека с другими людьми и действовать, исходя из этого видения. Таким образом, человек может контролировать свои чувства и поступки, а также предписывать другим людям некие нормы поведения, реализуя свою

сущностную черту — способность к самодисциплине. Внешний мир — то, что познается человеком как условие действия, и внутренний мир — фантазии, побуждения, представления — трансформируются под влиянием планомерного действия.

Мир человека — это не окружающий мир животного, а культура, которая свидетельствует о способности человека не только приспосабливаться к условиям окружающей среды, но и менять ее, достигая свободы от нее. Согласно Гелену, человек как живое существо ущербен, ибо мир, в котором он живет, не соответствует его органическому устройству. Он восполняет свою природную недостаточность орудиями труда и техникой, которые позволяют ему быстрее двигаться, лучше видеть и т. п. «Человек, органически неспециализированный и открытый для раздражений, не приспособлен ни к какой специфически природной констелляции, но в любой констелляции удерживается благодаря планирующему изменению преднайденного и достижением ориентации (истолкования, интерпретациям, новым комбинациям представлений и т.д.)» [23. С. 173].

Гелен считает, что мир человека перегружен информацией, поэтому человек в своей планомерной деятельности осуществляет разгрузку, структурируя и отбирая информацию, а также учреждая институты — государство, право, мораль — с тем, чтобы делегировать им задачи по упорядочиванию возникающего многообразия. Наиболее важную роль в процессах разгрузки играет язык, который позволяет человеку владеть миром вне непосредственного взаимодействия с ним, имея его только в значениях.

Обобщая вышесказанное, можно сказать, что Кассирер трактует мир человека исходя из его символической деятельности, Шелер через духовную деятельность по опредмечиванию и объективации, Плеснер через деятельность как «естественную искусственность», а Гелен через понятие планомерного компенсаторного действия. Во всех случаях мир человека не является естественной данностью, какой он является для животного. Из всех перечисленных теоретиков только Гелен объясняет его строением человеческого тела, настаивая на последовательном биологическом обосновании того, как человек создает свой мир. Остальные философы объясняют мир в рамках собственных метафизических трактовок человека. Важно отметить, что Кассирер также, как и Плеснер, показывает, что символическая деятельность направлена в равной мере на все сферы человеческого, включая психическую реальность.

Заключение

В завершение хотелось бы подчеркнуть, что «Эссе о человеке...» опирается на ту же логику, что и основополагающие тексты Шелера, Плеснера и Гелена. В нем присутствует анализ проблемы человека в предшествующей философии, обзор эмпирических исследований из области биологии и зоопсихологии на предмет выявления специфики человека как особого вида живого, используются факты из физиологии и психологии. Все эти

естественнонаучные аргументы необходимы для того, чтобы показать не только близость человека и животного, но их различие и тем самым обосновать необходимость метауровня исследования — философского анализа человека. Затем представляется человеческий мир, изучение которого определяется в случае Кассирера функциональной трактовкой человека как *animal symbolicum* через понятие символической деятельности.

Также и круг концептов и категорий, которыми оперирует Кассирер, дискурсивно родственны текстам названных выше теоретиков. Достаточно ли Кассирер «антропологичен», если в его рассуждениях символическая деятельность не вытекает строго из понимания человека как особого вида живого, а имеет и кантианские корни? Можно сказать, что его философия антропологична в той же степени, в какой «антропологичны» Шелер и Плеснер, для которых мир человека создается в результате деятельности, к которой не способны животные. Что дает «Эссе о человеке...» философской антропологии, будучи введением в философию культуры? Как представляется, работа Кассирера расширяет возможности исследования феноменов человеческой жизни, репрезентированных в культуре. В логике Гелена философская антропология должна теоретизировать, например, о чувстве страха или о переживании любви, только опираясь на данные психологии и биологии. Кассирер открывает возможность исследовать эти феномены, опираясь на символически опосредованный опыт этих переживаний, представленный в эго-документах, в произведениях искусства, в языке, мифе и т.д. Тем самым он показывает, каким образом философия может использовать разнообразные данные исторической и культурной антропологии, сохраняя свою специфику в этом междисциплинарном взаимодействии.

Список литературы / References

- [1] Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. Мир–конечность–одиночество / пер. с нем. В.В. Бибихина, А.В. Ахутина, А.П. Шурбелева. Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2013.
- [2] Проблема человека в западной философии : Переводы / сост. и послесл. П.С. Гуревича; общ. ред. Ю.Н. Попова. Москва : Прогресс, 1988.
- [3] Свасьян К.А. Проблема человека в философии Э. Кассирера // Буржуазная философская антропология XX века. Москва : Наука, 1986.
- [4] Мельвиль Ю.К. Пути буржуазной философии XX в. Москва : Мысль, 1983.
- [5] Смирнов С.А. Антропологический поворот: его смысл и уроки // Философия и культура. 2017. Т. 3. № 2. С. 23–35. <https://doi.org/10.7256/2454-0757.2017.2.22058> EDN: YGFХЕН
- [6] Смирнов С., Яблокова Е. Антропологические границы гуманитарной экспертизы // Философская антропология. 2019. Т. 5. № 1. С. 26–44. <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2019-5-1-26-44> EDN: WMXXRL
- [7] Смирнов С. Антропология как строгая наука? К вопросу о методологическом обосновании философской антропологии: Статья 1. Э. Гуссерль. Феноменология как обоснование антропологии // Философская антропология. 2019. Т. 5. № 2. С. 24–48. <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2019-5-2-24-48> EDN: VGSRHZ
- [8] Смирнов С. Антропология как строгая наука? К вопросу о методологическом обосновании философской антропологии: Статья 2. Макс Шелер. В поисках метода //

- Философская антропология. 2020. Т. 6. № 1. С. 27–40. <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2020-6-1-27-40> EDN: VXNCEA
- [9] *Смирнов С.* Антропология как строгая наука? К вопросу о методологическом обосновании философской антропологии: Статья 4. Гуманитарный проект В. Дильтея // Философская антропология. 2023. Т. 9. № 1. С. 27–49. <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2023-9-1-27-49> EDN: RBWHBR
- [10] *Смирнов С.* Антропология как строгая наука? К вопросу о методологическом обосновании философской антропологии. Статья 3. Эрнст Кассирер. Человек в объятиях культуры // Философская антропология. 2022. Т. 8. №. 2. С. 17–34. <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2022-8-2-17-34> EDN: ZLOPQJ
- [11] *Lerch H.* Anthropology as a Foundation of Cultural Philosophy: The Connection between Human Nature and Culture by Helmuth Plessner and Ernst Cassirer // Plessner's Philosophical Anthropology: Perspectives and Prospects / ed. by J. de Mul. Amsterdam : Amsterdam University Press, 2014. P. 195–210. <https://doi.org/10.1515/9789048522989-012>
- [12] *Pavesich V.* Hans Blumenberg's philosophical anthropology: after Heidegger and Cassirer // Journal of the History of Philosophy. 2008. Vol. 46. N 3. P. 421–448. <https://doi.org/10.1353/hph.0.0031>
- [13] *Fischer J.* Philosophisch-anthropologische Theorien der Kultur: Cassirer, Scheler, Plessner // Azimuth: Philosophical Coordinates in Modern and Contemporary Age. 2016. Vol. 8. No. 2. P. 77–92.
- [14] *Фалев Е.В.* «Эпистемологически различные миры»: от Я. Иксюля до Г. Вакарю // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2024. Т. 28. № 4. С. 1032–1049. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-4-1032-1049> EDN: JTNOBM
- [15] *Uexküll J. von.* Umwelt und Innenwelt der Tiere. Berlin : Verlag von J. Springer, 1909.
- [16] *Иксюль Я. фон.* Путешествие в окружающие миры животных и людей. Теория знания / пер. с нем. П. Запалаовой. Москва : Ад Маргинем Пресс, 2025.
- [17] *Кассирер Э.* Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры / пер. с англ. О.А. Муравьева // Избранное. Опыт о человеке. Москва : Гардарика, 1998. С. 440–710.
- [18] *Князева Е.Н.* Понятие «Umwelt» Якоба фон Иксюля и его значимость для современной эпистемологии // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 30–44. EDN: TTCORX
- [19] *Шелер М.* Положение человека в Космосе / пер. с нем. А.Ф. Филиппова // Проблема человека в западной философии : Переводы / сост. и послесл. П.С. Гуревича; общ. ред. Ю.Н. Попова. Москва : Прогресс, 1988. С. 31–95.
- [20] *Plessner H.* Einheit der Sinne. Die Grundlinien einer Aesthesiologische des Geistes. Bonn : Verlag von F. Cohen, 1923.
- [21] *Плеснер Х.* Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию / пер. с нем. А.Г. Гаджикурбанова. Москва : РОССПЭН, 2004. EDN: QWGDJX
- [22] *Плеснер Х.* Дополнение // Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию / пер. с нем. А.Г. Гаджикурбанова. Москва : РОССПЭН, 2004. С. 297–308.
- [23] *Гелен А.* О систематике антропологии / пер. с нем. А.Ф. Филиппова // Проблема человека в западной философии : Переводы / сост. и послесл. П.С. Гуревича; общ. ред. Ю.Н. Попова. Москва : Прогресс, 1988. С. 152–201.
- [24] *Соболева М.Е.* Философия символических форм Э. Кассирера. Генезис. Основные понятия. Контекст. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2001.
- [25] *Ferrari M.* Ernst Cassirer's legacy: History of philosophy and history of science // Journal of Transcendental Philosophy. 2021. Vol. 2. No. 1. P. 85–109. <https://doi.org/10.1515/jtph-2021-0008> EDN: IDAWCV

References

- [1] Heidegger M. *The Fundamental Concepts of Metaphysics: World–Finitude–Solitude*. Bibikhin VV, Akhutin AV, Shurbelev AP, transl. Saint Petersburg: Vladimir Dal' publ.; 2013. (In Russian).
- [2] *The Problem of Man in Western Philosophy: Translations*. Gurevich PS, compil., afterw.; Popov YuN, ed. Moscow: Progress publ.; 1988. (In Russian).
- [3] Svas'yan KA. The problem of man in E. Cassirer's philosophy. In: *Bourgeois Philosophical Anthropology of the Twentieth Century*. Moscow: Nauka publ.; 1986. (In Russian).
- [4] Mel'vil' YuK. The ways of twentieth-century bourgeois philosophy. Moscow: Mysl' publ.; 1983. (In Russian).
- [5] Smirnov SA. The anthropological turn: its meaning and lessons. *Philosophy and Culture*. 2017;3(2):23–35. (In Russian). <https://doi.org/10.7256/2454-0757.2017.2.22058> EDN: YGFXEH
- [6] Smirnov S, Yablokova E. Anthropological boundaries of humanitarian expertise. *Philosophical Anthropology*. 2019;5(1):26–44. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2019-5-1-26-44> EDN: WMXXRL
- [7] Smirnov S. Anthropology as a strict science? On the methodological grounding of philosophical anthropology. Article 1. E. Husserl. Phenomenology as a grounding of anthropology. *Philosophical Anthropology*. 2019;5(2):24–48. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2019-5-2-24-48> EDN: VGSRHZ
- [8] Smirnov S. Anthropology as a strict science? On the methodological grounding of philosophical anthropology. Article 2. Max Scheler. In search of method. *Philosophical Anthropology*. 2020;6(1):27–40. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2020-6-1-27-40> EDN: VXNCEA
- [9] Smirnov S. Anthropology as a strict science? On the methodological grounding of philosophical anthropology. Article 4. Wilhelm Dilthey's humanitarian project. *Philosophical Anthropology*. 2023;9(1):27–49. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2023-9-1-27-49> EDN: RBWHBR
- [10] Smirnov S. Anthropology as a strict science? On the methodological grounding of philosophical anthropology. Article 3. Ernst Cassirer. Man in the embrace of culture. *Philosophical Anthropology*. 2022;8(2):17–34. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2022-8-2-17-34> EDN: ZLOPQJ
- [11] Lerch H. Anthropology as a foundation of cultural philosophy: the connection between human nature and culture by Helmuth Plessner and Ernst Cassirer. In: de Mul J, ed. *Plessner's Philosophical Anthropology: Perspectives and Prospects*. Amsterdam: Amsterdam University Press; 2014. P. 195–210. <https://doi.org/10.1515/9789048522989-012>
- [12] Pavesich V. Hans Blumenberg's philosophical anthropology: after Heidegger and Cassirer. *Journal of the History of Philosophy*. 2008;46(3):421–448. <https://doi.org/10.1353/hph.0.0031>
- [13] Fischer J. Philosophisch-anthropologische Theorien der Kultur: Cassirer, Scheler, Plessner. *Azimuth: Philosophical Coordinates in Modern and Contemporary Age*. 2016;8(2):77–92.
- [14] Falyov EV. “Epistemologically different worlds”: from J. Uexküll to G. Vacariu. *RUDN Journal of Philosophy*. 2024;28(4):1032–1049. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-4-1032-1049> EDN: JTNOBM
- [15] Uexküll J von. *Umwelt und Innenwelt der Tiere*. Berlin: Verlag von J. Springer; 1909.
- [16] Uexküll J von. *A Foray into the Worlds of Animals and Humans. Theory of Meaning*. Zapadalova P, transl. Moscow: Ad Marginem Press publ.; 2025. (In Russian).

- [17] Cassirer E. An Essay on Man. An Introduction to a Philosophy of Human Culture. Murav'yev OA, transl. In: *Selected Works. An Essay on Man*. Moscow: Gardarika publ.; 1998. P. 440–710. (In Russian).
- [18] Knyazeva EN. Jakob von Uexküll's concept of "Umwelt" and its significance for modern epistemology. *Voprosy filosofii*. 2015;(5):30–44. (In Russian). EDN: TTCORX
- [19] Scheler M. The human place in the cosmos. Filippov AF, transl. In: *The Problem of Man in Western Philosophy: Translations*. Gurevich PS, compil., afterw.; Popov YuN, ed. Moscow: Progress publ.; 1988. P. 31–95. (In Russian).
- [20] Plessner H. *Einheit der Sinne. Die Grundlinien einer Aesthesiologie des Geistes*. Bonn: Verlag von F. Cohen; 1923.
- [21] Plessner H. *The Levels of the Organic and Man: Introduction to Philosophical Anthropology*. Gadzhikurbanov AG, transl. Moscow: ROSSPEN publ.; 2004. (In Russian). EDN: QWGJDX
- [22] Plessner H. Supplement. In: *The Levels of the Organic and Man: Introduction to Philosophical Anthropology*. Gadzhikurbanov AG, transl. Moscow: ROSSPEN publ.; 2004. P. 297–308. (In Russian).
- [23] Gehlen A. On the systematics of anthropology. Filippov AF, transl. In: *The Problem of Man in Western Philosophy: Translations*. Gurevich PS, compil., afterw.; Popov YuN, ed. Moscow: Progress publ.; 1988. P. 152–201. (In Russian).
- [24] Soboleva ME. *Ernst Cassirer's Philosophy of Symbolic Forms: Genesis. Basic Concepts. Context*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University publ.; 2001. (In Russian).
- [25] Ferrari M. Ernst Cassirer's legacy: history of philosophy and history of science. *Journal of Transcendental Philosophy*. 2021;2(1):85–109. <https://doi.org/10.1515/jtph-2021-0008> EDN: IDAWCV

Сведения об авторе:

Черепанова Екатерина Сергеевна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры, Департамент философии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Российская Федерация, 620000, Екатеринбург, пр-т. Ленина, д. 51. ORCID: 0000-0002-2126-1678. SPIN-код: 5268-3907. E-mail: dek316@yandex.ru

About the author:

Cherepanova Ekaterina S. — DSc in Philosophy, Professor, Professor of Chair of History of Philosophy, Philosophical Anthropology, Aesthetics, and Theory of Culture, Department of Philosophy, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, 51 Lenina Ave., Ekaterinburg, 620000, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-2126-1678. SPIN-code: 5268-3907. E-mail: dek316@yandex.ru